

ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ

В предрассветном тумане полк перелетел на новую базу — ближе к фронту. Миновали лиманы Варениковский, Ахтанизовский, поля с неубранной пожелтевшей кукурузой, обугленные развалины станиц, сожженные гитлеровцами при отступлении, и снизились у самого берега Азовского моря.

Рыбачье селение Пересыпь встретило девушек холодным ветром и унылыми криками чаек. Море шумело, и волны подкатывались к обрыву, изрезанному полуразрушенными окопами. Окопы, сооруженные фашистами, то там, то здесь сливались с воронками от бомб: это были результаты ударов женского авиационного полка, не раз действовавшего здесь.

Пересыпь лежала в руинах. Единственный кирпичный дом был занят под штаб полка. Летчики и штурманы разместились в нескольких рыбачьих хибарках из ракушечника. Хибарки, давно оставшиеся без хозяев, были донельзя замусорены, но девушки в первый же нелетный день быстро навели на них блеск. Особенно отличилась вторая эскадрилья: на одной из стен ее неприглядного общежития Руфа Гашева нарисовала огромную панораму — самолет сбрасывает бомбы, попадает точно в цель, на земле — взрыв. А Валя Пустовойтенко и Люся Горбачева, вооружившись малярной кистью, раздобытой неведомо где, белилами и цементом, так приукрасили свой домик, что боевой листок изобразил их в дружеской карикатуре чемпионами мойки и уборки.

Для вооруженцев и техников построили просторные землянки, где они сумели устроиться даже с некоторым уютом. Нарамии им служили оставленные с обеих сторон землянок уступы, укрепленные кольями. К кольям прибили доски, покрыли их толстым слоем соломы — вот и постели! После трудовых ночей девушкам спалось крепко, сладко.

Под аэродром отвели узкую полосу морского берега за линией высоковольтных проводов, протянувшихся от косы Чушка до Темрюка. Провода



Летчица Людмила Горбачева.
Совершила 485 боевых вылетов

Весь пролив фашисты могли освещать мощными прожекторами, расположенными группами по всему побережью. Десятки зенитных батарей охраняли воздух. Пролив простреливался береговой артиллерией, по его волнам шныряли вражеские катера.

Летчицы усиленно тренировались, готовились к выполнению новых задач — нанесению ударов с воздуха по береговой оборонительной линии противника, уничтожению его укреплений, командных пунктов, линий связи на Керченском полуострове.

Одновременно с боевой подготовкой шла и политическая подготовка при активном участии всех коммунистов и комсомольцев. Ежедневно в эскадрильях проводились политбеседы по текущим вопросам внутренней и международной жизни, девушки усердно занимались в кружках, готовились к докладам.

Так в учебе и работе шли дни.

Однажды пасмурным утром инженер полка Софья Ивановна Озеркова собрала техников и вооруженцев на очередное политзанятие. Расселись на

служили своеобразной маскировкой: кто бы мог подумать, что на таком клочке земли расположился аэродром!

Для полетов, словом, было все готово. Все — кроме погоды.

Стояла туманная и дождливая пора поздней осени. Облакам конца не было. День и ночь выл и свистел холодный ветер. Зная, что ветры достигают здесь огромной силы, инженер полка Озеркова приняла меры к надежному креплению самолетов. Их привязывали цепями к стопорам, накрепко ввинченным в землю.

По всем приготовлениям было видно, что полку придется оставаться здесь продолжительное время.

Враг находился на крымской земле. Все сухопутные выходы из Крыма были уже наглухо закрыты для гитлеровцев. С севера наши войска подошли вплотную к Перекопскому перешейку. Гитлеровцы могли эвакуироваться из Крыма только морем — в Румынию. Они крепко зацепились за Керченский полуостров и подготовились к отчаянному сопротивлению.

бревнах, лежавших возле землянки. Едва только Озеркова успела ознакомить своих слушателей с положением на фронтах, как неожиданно подъехал автомобиль. Из него вышел генерал Петров, командовавший в то время Отдельной Приморской армией, созданной после ликвидации Северокавказского фронта. Девушки встали. Озеркова отдала рапорт.

— Почему сидите так спокойно? — спросил командующий. — В районе Фонтановской высадился танковый десант противника, танки направляются к вам. Объявите тревогу!

Летчицы поняли, что генерал хочет лично проверить боевую подготовку полка перед новым этапом борьбы.

Дежурная по аэродрому Вера Маменко быстро выполнила приказ. Непривычное в дневное время движение закипело на аэродроме. Нагруженные летной амуницией бежали к машинам летчицы и штурманы, на ходу надевая шлемы и застегивая гимнастерки. Через несколько минут загудели моторы, и над морским берегом закружились самолеты, распугивая чаек.

Стремление девушек не осрамиться перед командующим, старым боевым генералом, героем обороны Одессы и Севастополя, было понятно. Особенно старались те, кто помнил первое посещение полка генералом Петровым в станице Ивановской.

После отбоя и общего построения командующий выразил полное удовлетворение сноровкой и быстротой сбора по тревоге. Он одобрительно отзывался о боевой подготовке личного состава.

Генерал пристально всматривался в стоявшие перед ним шеренги женщин-гвардейцев.

— А вот обмундирование совсем никуда не годится! — сказал он. — Разве так должны выглядеть гвардейцы!

Действительно, крайняя пестрота одежды девушек производила неприятное впечатление. Шинели были разных цветов — серые, синие, хаки; головные уборы самые разнообразные — пилотки, береты, шапки-ушанки; сапоги — у кого черные, у кого красные, кирзовые и хромовые — больших размеров.

— Вот что, — сказал генерал, обращаясь к командиру полка, — немедленно снарядите две машины на наш центральный склад и отберите лучшее обмундирование. — И, обращаясь к своему адъютанту, добавил: — Отпустить дополнительно, вне нормы, одну машину с продуктами.

Потом генерал проверил стрельбу офицерского состава из личного оружия. Остался доволен. Обратившись к Бершанской, сказал:

— Хорошо бы организовать на вашем аэродроме соревнование в стрельбе. Потренируйтесь и покажите мужчинам, как надо стрелять!

Генерал направился на кухню и снял пробу с обеда. Через адъютанта распорядился проверить, хорошо ли повара чистят котлы.

Поблагодарив полк за честную службу, генерал уехал. На этот раз девушки-авиаторы были вполне довольны встречей с командующим.

Особенно довольна была Софья Ивановна Озеркова. Хорошая строевая подготовка — это было дело ее рук. Немало труда она положила на то, чтобы приучить девушек к строю.

Большое удовлетворение испытывала и инженер по вооружению Надежда Александровна Стрелкова — друг коллектива вооруженцев и техников. Она всегда горячо переживала вместе с ними все удачи и невзгоды. Справедливо считая, что вооруженцы, из которых каждая перетаскивает в боевые ночи не менее чем по три тонны бомб, заслуживают усиленного питания и вообще большего внимания к их бытовым нуждам, она настойчиво добивалась замены красноармейского пайка для них техническим пайком.

Экспедицию на трех грузовиках в центральный склад армии возглавила Стрелкова. Вооруженцы торжествовали.

— Будьте уверены, — говорили они, — Надежда Александровна сумеет отобрать самое лучшее! Уж кто-кто, а мы, вооруженцы, в обиде не останемся...

2

Нет, кажется, осенью и зимой на всем земном шаре более неблагоприятного места для полетов, чем Таманский полуостров. Особенно тяжелы условия на береговой полосе, где в течение долгих месяцев — дожди, туманы, слякоть, буйные порывистые ветры.

У местных старожилов — своя метеорология. Они говорят: если ветер дует целый день без перерыва, он будет дуть три дня подряд; если ветер дует три дня без перерыва, значит он будет дуть шесть дней подряд. Эти народные приметы в большинстве случаев оправдывались, подтверждались.

В таких условиях летчицы, бывало, сутками сидели у моря и... ждали погоды. Для них это была не поговорка, а печальная действительность. Самолеты выруливали на старт, экипажи занимали места в кабинах, а дождь хлестал, как из ведра. Облачность низкая, видимости никакой, над проливом небо и вода сливались в серую муть, только было слышно, как бились волны о морской берег.

Но чуть только появлялся, а порой лишь предугадывался малейший просвет в облаках, самолеты один за другим поднимались в боевой полет. Медленно набирая высоту, они летели к морю.

Там, за узкой косой, линия фронта. Фактически линии, конечно, не было, она терялась в волнах пролива, соединяющего Азовское и Черное моря, но от этого незримая граница между двумя лагерями ощущалась с особой силой.

Первые полеты через пролив были непривычны и, по правде говоря, страшноваты. Слева море, справа море, под маленьким сухопутным самолетом — вода, а впереди — силуэты крымских гор, лес прожекторов, вспыш-

ки зениток. Там засел враг. Но потом стали привыкать. Летать нужно было даже в непогоду — надо прикрывать с воздуха десантные операции нашей приморской армии.

Наши десантные части подплывали ночью к крымскому берегу на катерах или танкерах. Вражеские прожекторы ловили их в свои лучи, артиллерия открывала убийственный огонь. В этот момент летчицы направляли свои самолеты на прожекторы и батареи противника. Когда самолет появлялся над целью, прожекторы выключались. Этим пользовались десантники, чтобы проскочить к берегу.

Иногда экипажам давали совсем простую задачу — летать над вражеским побережьем и все. Но в этой несложной операции был большой смысл: гул моторов заглушал шум винта катера, подкрадывавшегося к берегу.

Первого ноября Женя Руднева записала в своем дневнике:

«Пересыпь. Здесь мы с 20 октября. Сегодняшняя ночь войдет в историю — начало высадки десанта на Крымском полуострове. С вечера сделали по одному вылету. Потом — перерыв на 5 часов. В 2.15 нанесли первый удар...

Летала я опять с Люсей¹ на 513 и 313. Словили нас прожекторы удивительной яркости. Люся так пикировала, что у меня дух захватывало, и я прерывающимся голосом командовала в трубку. Вообще переговоры у нас скверный, но на этот раз она отлично слышала. Зенитки были близко, но безуспешно».

Десант высадился в районе Эльтигена. Был захвачен клочок крымской земли — маленькая площадка на скалистом берегу Керченского пролива. Гитлеровцы прижали наш десант к берегу и прилагали неимоверные усилия, чтобы сбросить его в море. Но сибирские стрелки, зацепившиеся за крымский берег, — не такой народ, чтобы позволить вырвать у них то, что ими занято.

Десантники зарылись в землю и не только удержались на своем крохотном плацдарме, но постепенно расширили его вглубь.

Положение на «малой земле» было крайне трудным. Подвоз боеприпасов



Летчица Людмила Клопкова.
Совершила 648 боевых вылетов

¹ Л. Клопкова.

и продовольствия можно было организовать главным образом на самолетах. Гвардейский Таманский легкобомбардировочный полк получил от командования армии задание — помочь десантникам, сбросить им на «малую землю» мешки с продовольствием и боеприпасами.

Это была сложная задача. Бомбы подвешиваются к самолету бомбодержателями, а как прикрепить мешки, чтобы их легко было сбросить? Вооруженцы с честью вышли из затруднения. Они подвешивали стокилограммовые мешки под плоскостями. В мешках были мины, патроны, картошка, сухари, пресная вода. Теперь оставалось самое трудное — так точно сбрасывать груз, чтобы он не попадал в руки врага.

Единственным ориентиром на этом клочке земли служило здание школы, и задача летчицам ставилась так: «Сбросить мешки с левой (то есть южной) стороны школы». С правой стороны был противник.

Подход к цели был крайне затруднен: с одной стороны — крупнокалиберные вражеские пулеметы и прожекторы, с другой — огневая завеса с катеров.

Что оставалось делать девушкам?

— Стать невидимками, — шутили они.

А пока «проблема невидимости» еще не была решена, они спокойно, искусно, из ночи в ночь обходили опасные зоны, заходили с тыла, на небольшой высоте выключали моторы, снижались до ста—ста пятидесяти метров и сбрасывали мешки прямо на цель. Наши стрелки сигнализировали им миганием карманного фонарика или вспышкой зажженной спички. Иногда, заподвад с сигналом, пехотинцы слышали сверху женские голоса: «Алло! Полушдра, лови картошку!» или «Куда сбросить мины?»

Это были голоса Нади Поповой, Жени Жигуленко и Веры Тихомировой, снижавшихся еще ниже, чем все.

Летчицы-гвардейцы блестяще выполняли задачу, возложенную на них командованием, самоотверженно помогали героям-десантникам.

Плacidарм в районе Эльтигена, постепенно расширяясь, простирался вдоль побережья до двух, а в глубину до семи километров. Были отбиты у противника населенные пункты Жуковка, Опасная, Маяк.

При высадке десанта с моря в районе этих пунктов несколько наших кораблей были повреждены в бою и, потеряв управление, легли в дрейф. На розыски судов было направлено несколько самолетов, управляемых наиболее опытными летчицами — Надеждой Поповой, Марией Смирновой, Мариной Чечневой, Ниной Худяковой, Ольгой Санфириковой, Верой Тихомировой. Стоял сплошной туман, видимость — минимальная. Летали низко, над самыми гребнями волн. С самолетов пускали ракеты, но они быстро гасли. Розыски продолжались несколько дней. Самолеты возвращались на свой аэродром в сплошном тумане, сильно обледедев. Заблудившиеся суда в конце концов были найдены.

Несмотря на тяжелые метеорологические условия, наши летчицы сражались непрерывно, неустанно. По ночам они обстреливали вражеские дороги, ведущие к пунктам, захваченным нашим десантом, бомбили позиции фашистов.

Темной ветреной ночью вылетели на Керчь Марина Чечнева и Женя Руднева. Над проливом самолет был пойман прожекторами. Фашисты открыли зенитный огонь.

— Давай уходить к проливу — не на сушу, а в море, — быстро сказала Женя. — Пусть думают, что у нас что-то случилось.

Чечнева резко спикировала, симулируя падение самолета, затем снова набрала высоту и на приглушенном моторе пошла на цель. Женя бросила осветительные бомбы.

Летчицы были над южной окраиной Керчи. Ясно виделось скопление танков противника. Женя сбросила бомбы. В этот момент самолет снова попал в лучи прожектора, и опять началась зенитная стрельба.

Ветер дул в сторону вражеской территории. Пошли навстречу ветру, постепенно снижаясь. Над проливом летели на высоте ста метров. Прожекторы вели самолет до самого края, а потом упустили. Без всяких происшествий экипаж приземлился на своем аэродроме.

Удачно летали на Керчь экипажи Тихомировой — Лошмановой, Смирновой — Сумароковой, Парфеновой — Пасько, Прасоловой — Рябовой, Себровой — Целовальниковой, Ароновой — Гельман. Они, как правило, шли на цели в прожекторах под сильным зенитным обстрелом. Приходилось подниматься на высоту до 1500 метров. Нередко противник держал самолеты в лучах прожекторов до самой косы Чушка. Умело маневрируя, экипажи все же достигали цели, сбрасывали бомбы и невредимыми возвращались на свою территорию.

Забавный эпизод произошел однажды с экипажем Ароновой — Гельман.

«Мы возвращались с боевого задания, — вспоминает Рая Аронова. — Ночь была лунная, тихая. Цель в этот раз была на значительном расстоянии от линии фронта. Вдруг я заметила, что справа от нас идут — и довольно близко — еще два самолета, но с большей скоростью, чем мы. Я почему-то решила, что это наши, и сказала об этом Полине.

А самолеты явно обгоняют нас. Я прибавила газу, чтобы не отстать и не



Летчица Прасковья Прасолова.
Совершила 426 боевых вылетов

упустить их из виду. Неожиданно самолеты отвернули, а внизу раздались взрывы бомб.

— Полина, — крикнула я своему штурману, — видишь, они бомбят нашу высоту сто шестьдесят четыре! Значит это не наши, а фрицы. А мы-то к ним пристраивались!..

— Жаль, — отвечает Полина, — что раньше этого не поняли. А то можно было бы хоть из ракетницы по ним стрельнуть. Вот бы испугались!

Когда мы по возвращении рассказали об этом подругам, они много смеялись и долго потом вспоминали, как мы с фашистами «строим шли».

3

Двадцать шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции полк отпраздновал в обстановке непрерывных тяжелых ночных боев.

Тем с большей радостью восприняли девушки славные итоги истекшего года — от 25-й до 26-й годовщины Великого Октября, — подведенные в докладе на полковом собрании.

Это был год коренного перелома в ходе войны. В итоге наступательных операций советские войска освободили почти две трети советской земли, временно захваченной врагом. Войска немецко-фашистских захватчиков были отброшены в центре на 500 километров, а на юге почти на 1300 километров — от Владикавказа до Херсона.

«Вот это и наш путь! — с гордостью думали летчицы. — Мы прошли вместе с войсками Северокавказского фронта от Владикавказа до берегов Черного и Азовского морей».

Враг рассчитывал взять курс на затяжную войну, стал строить оборонительные рубежи и «валы», объявив во всеуслышание о неприступности своих новых позиций. Но Советская Армия и здесь опрокинула расчеты фашистов, прорвала их рубежи и «валы» и, продолжая успешно наступать, не давала им сроков для затяжки войны. Думая обо всем этом, как было не вспомнить девушкам про «Голубую линию», в прорыве которой они участвовали!..

Гитлеровская Германия и ее вассалы двигались навстречу своей неотвратимой катастрофы. Война вступила в ту стадию, когда дело шло о полном изгнании оккупантов с Советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка» в Европе. Все шире, все упорнее развертывалась борьба за полное очищение от врага Украины и Белоруссии, Ленинградской и Калининской областей, за освобождение из-под фашистского ига Крыма, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Карело-Финской республики.

«Освободить Крым! — вот задача, которая сейчас непосредственно стоит перед нами», — говорил докладчик, и девушки в едином порыве ответили ему горячими, дружными аплодисментами.

Вечером девушки собрались в празднично убранной столовой летного состава. На праздник приехал генерал-полковник И. Е. Петров.

В столовой было тесно, обедали по эскадрильям. Пока одни занимали столы, другие на улице пели и плясали.

В этот день многие девушки были награждены орденами и медалями, повышены в званиях. Очень порадовали всех подарки — посылки, полученные из глубокого тыла: подворотнички, платочки, бумага и конверты, пряники, табак, махорка. Конечно, и табак и махорка, а тем более четвертинки водки, оказавшиеся в некоторых посылках, были девушкам совсем ни к чему, но они видели в этом любовь и заботу народа о своих воинах, о них, девушках-авиаторах, и потому так бережно принимали из рук командира сверточки из тыла. Во все посылки были вложены трогательные записочки с пожеланиями бойцам от тружеников тыла всяких успехов в боевой работе и скорейшей победы над врагом.

Празднование кончилось, наступила очередная боевая ночь. Октябрьскую годовщину решено было ознаменовать большим числом вылетов. Вечерний чай и ужин привезли на старт в термосах. Закусывали тут же на ходу, в промежутках между полетами.

За шумом своих моторов не заметили, как со стороны моря вынырнул фашистский самолет «Фокке-Вульф», развернулся над аэродромом и застрочил из пулемета. За ним — другой гитлеровский самолет. В бой вступила зенитная батарея, охранявшая аэродром. Один «Фокке-Вульф» был сбит и угодил в пролив. На аэродроме же обошлось без жертв, и самолеты почти не пострадали.

— Среди нас есть кто-то счастливый, — говорили девушки. — Не везет фашистам на наших аэродромах!



Герой Советского Союза
летчица Нина Худякова.
Совершила 926 боевых вылетов

По мере расширения плацдарма на Керченском полуострове удары нашей авиации переносились вглубь Крыма. Все коммуникации противника западнее Керчи, линии железной дороги Керчь — Владиславовка, укрепленные пункты Катерлез, Тархан, Кезы, Багерово, Булганак, где были сосредоточены крупные склады горючего и боеприпасов, каждую ночь подвергались бомбардировке с воздуха.

В сложной, часто меняющейся обстановке летчицы и штурманы действовали смело, настойчиво, инициативно и наносили противнику чувствительный урон. Бомбы попадали в цель, и небо озарялось пламенем пожаров, в воздух взлетали склады боеприпасов, горючего. Бомбы обрушивались на автоколонны, на скопления танков, на железнодорожные составы врага.

Однажды экипажу Жигуленко — Даниловой дали задание обнаружить аэродром противника и, насколько возможно, дезорганизовать его действия.

Глухой ночью девушки подлетели к указанному району. Враг ничем не выдавал себя. На земле было темно и тихо. Но Женя Жигуленко, отличный штурман, ставшая хорошим летчиком, еще издали, подлетая сюда, увидела, как во мгле робко мигают отдельные огоньки. Наметанным глазом она тотчас определила очертания летного поля.

Между тем враг, слышавший, конечно, шум мотора «По-2», притаился, рассчитывая, что удастся обмануть советских летчиков. Огоньки погасли. Все слилось в один непроницаемый покров. Но Женя уже знала, где аэродром. Самолет был над целью, и бомбы метнулись наземь. Тотчас загремели взрывы, вспыхнуло пламя. Бомбы попали в хранилище фашистских бомб, а там уже огонь подхватил горючее.

Одновременно со всех сторон засветили прожекторы. Их было двенадцать. Самолет попал в сетку прожекторных лучей, и по нему стали стрелять все зенитные орудия и пулеметы, какие только были здесь у фашистов.

Женя непрерывно стремительно маневрировала маленьким «По-2»: в сторону и тотчас вверх, потом в другую сторону и сейчас же вниз и все ближе, ближе к морю. И тут, над проливом, вражеские прожекторы упустили самолет.

После двенадцатиминутного полета в сплошном огне экипаж благополучно вернулся на свой аэродром.

Девушки, прилетевшие раньше, бросились обнимать Женю Жигуленко и Нину Данилову.

— Мы все видели, — взволнованно говорили они. — Мы думали, что вас сбили!

Серьезному испытанию подверглась в те дни молодой штурман Оля Голубева. Ее самолет также попал в сетку прожекторных лучей. Вокруг забелели, захлопали разрывы зенитных снарядов. Но Оля, ни на секунду не



В часы досуга. Танцуют Екатерина Рябова и Нина Данилова

потеряв самообладания, быстро, точно сообщала летчице курс, предупреждала, где рвутся снаряды, с какой стороны ближе лучи прожекторов.

Временами взрывной волной машину подбрасывало вверх и кидало в сторону. Огненные трассы зенитных пуль проносились совсем рядом. Но экипаж вел самолет к цели и, сумев выскользнуть из сетки прожекторных лучей, сбросил бомбы прямо на склад боеприпасов врага.

На аэродроме техник, осматривая самолет, обнаружил в нем восемь пробоин, две из них были в кабине летчика и штурмана. В следующую ночь, как всегда, машина была готова к бою.

Механики своим самоотверженным, мастерским трудом закладывали основу всех боевых успехов полка в воздухе. Сколько добрых слов было произнесено в те дни по адресу Мэри Жуковицкой, Аллы Казанцевой, Дуси Коротченко, Раи Харитоновой и других авиатехников! В стужу и дожди они всегда были на посту, работая дружно, быстро, сноровисто, обеспечивая бесперебойное действие боевой техники.

Молодой механик Саша Османцева, прибывшая в полк, когда он стоял у Азовского моря, с трепетом ждала первого боевого испытания. И вот оно наступило. Самолет, снаряженный ее руками, улетел в бой.

— С каким волнением ждала я возвращения своей машины, — вспоминает Османцева. — Два часа показались мне вечностью. И вдруг я вижу, что моя машина идет на посадку. Я готова была кричать «ура». Но радость моя быстро прошла, когда я осмотрела самолет: сколько в нем было пробоин от пуль, от осколков! У меня прямо дух занялся: разве хватит сил, думаю, быстро повернуть такое дело? Да тут работы на неделю. А воевать как? Но только я приуныла, как сбежались все девочки и помогли мне отремонтировать самолет за два часа. И снова моя машина полетела бить врага!

Так дружно и умело работали и воевали в полку все.

Но, увы, погода не хотела с этим считаться. Осень брала свое.

5

С конца ноября погода еще более ухудшилась. Бесперывные снегопады, дожди, туманы, низкая облачность исключали возможность регулярных полетов. Наступило вынужденное затишье в боевой деятельности полка, длившееся около двух месяцев.

Этот период партийная и комсомольская организации широко использовали для разносторонней политической учебы.

Мария Ивановна Рунт — секретарь парторганизации полка, Саша Хорошилова — комсорг, заменившая Ольгу Фетисову, переведенную на работу в штаб, разработали и провели при активном участии командиров эскадрилий и их заместителей обширную программу теоретических конференций.

Пусть завывала вьюга, пусть бушевало море, обрушивая на берег злые волны, пусть в землянках и рыбацких домиках было сыро, холодно, — жизнь в полку не замирала. После строевых занятий, после проверки материальной части девушки с увлечением готовились к докладам, собирались на теоретические конференции, на заседания философского кружка, вели дискуссии. Своей теоретической подготовкой полк выделялся во всей дивизии.

Если бывшие студентки многому научились у своих командиров-летчиков и сами сумели стать хорошими летчицами, то и летчицы многому могли научиться у бывших студенток. В том и была внутренняя сила полка, что в нем под руководством парторганизации все учились друг у друга и это способствовало общему совершенствованию и в военной, и в политической, и в культурной областях знаний.

Прекрасный пример в этом отношении подавала Е. Д. Бершанская. Как настоящий коммунист, она умела не только учить своих подчиненных, но и учиться у них. Летчицы и штурманы с восхищением наблюдали, как упорно и настойчиво их командир работает над повышением своего идейно-политического уровня, над обогащением знаний.



Софья Озеркова (слева), Римма Прудникова и Евдокия Коротченко

В бурном водовороте войны девушки особенно глубоко ощутили величие и силу марксистско-ленинского учения, озаряющего пути всего общественного развития. Стремясь как можно лучше овладеть этим могучим идейным оружием Коммунистической партии, они с увлечением просиживали часами над трудами классиков марксизма, готовясь к теоретическим конференциям. Эти конференции воспринимались в полку как большое общественное событие. На них собирались все свободные от службы.

Первая теоретическая конференция была посвящена теме «О войнах справедливых и несправедливых». Аня Еленина говорила об основах марксистско-ленинского учения о войне, Таня Сумарокова — о наполеоновских войнах, Ася Шарова — о русско-японской войне 1905 года, Женья Жигуленко — о первой мировой войне, Саша Акимова — о борьбе русского народа против иноземных поработителей в прошлом, Надя Попова — о гражданской войне и разгроме интервентов, Женья Руднева — о Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. Каждое из этих выступлений, по сути дела, было докладом, ярким и содержательным. И все они с новой силой напоминали девушкам-авиаторам, какая великая освободительная миссия вы-

пала на долю советского народа в битвах второй мировой войны, как высоко и почетно звание советского воина, защитника социалистической Отчизны.

А затем прошли теоретические конференции о моральном облике молодого коммуниста на фронте, о жизни и деятельности выдающихся русских полководцев: Александра Невского, Суворова, Кутузова, Багратиона. С докладами выступали почти все летчики, штурманы, работники штаба, техники и вооруженцы — ветераны полка.

Девушки живо и остро обсуждали и доклады о мужестве и героизме советских людей, о патриотизме, о ненависти к врагу, об участии женщин в войне.

Горячо, с молодым задором говоря о том, что составляло основное содержание их жизни, девушки избегали громких фраз. Выступавшие приводили исторические примеры, ссылались на литературные образы, на героические подвиги на других фронтах Великой Отечественной войны, но о себе и своих подругах не говорили ни слова.

«Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло, Александр Матросов — вот истинные герои, куда нам до них», — считали они. Иногда девушки, шутя, сравнивали «кавалериста-девицу» Надежду Дурову с дочерью мушкетерского железнодорожника Надеждой Поповой. Но подлинной героиней они считали, конечно, Дурову, а Надя Попова всего лишь, так же как и они все, выполняла свой долг перед страной, перед партией.

О роли женщины в войне также было много разговоров. Тут разногласий не было.

— До сих пор еще мы слышим, что, мол, не все профессии для женщин доступны, в частности военная профессия. Это неверно, — говорила Саша Акимова на одном из собраний. — Само существование нашего полка служит наглядным опровержением этого пережитка старого времени. Приведу пример из нашей практики. Нам, военным летчикам и штурманам, надо уметь прыгать с парашютом. Некоторые говорили, что-де женщины будут бояться прыгать. Тогда мы в нашей эскадрилье решили прыгнуть первыми. День был ветреный, прыгать очень не хотелось, но мы прыгали. Раз, другой — и научились. Одна девушка не решалась прыгнуть. Это нас очень огорчило. Сделали круг — не прыгает, пошли на второй. Мы крикнули: «Любка, прыгай!», и она прыгнула. Мы сделали первые прыжки, а за нами уже летчики других полков...

Заместитель командира полка по политчасти Е. Я. Рачкевич сделала доклад «О моральном облике советского офицера». Этот доклад имел тем большее воспитательное значение, что был связан с конкретным случаем нарушения дисциплины одной из девушек. Встретив суровое осуждение со стороны подруг, всего коллектива, она перед всем полком признала свою вину.

По докладу Рачкевич с горячими речами выступило много девушек. Особенно запомнилось выступление Жени Рудневой.

— Я очень высоко ставлю звание командира Красной Армии, звание



*Члены бюро ВАКСМ полка в нелетные часы (слева направо):
О. Фетисова, М. Смирнова, Н. Худякова, Р. Маздрина, Е. Руднева,
А. Хорошилова и Е. Рябова*

советского офицера, — говорила она. — Командиру Красной Армии, армии, выполняющей в настоящее время историческую освободительную миссию, присущи лучшие черты советского человека. Это должен быть человек новой, социалистической культуры, ему свойственно чувство нового, он всегда готов беззаветно отстаивать дело Коммунистической партии, великие идеи коммунизма. Даже если я после войны не буду военной, школа офицерского коллектива даст мне очень многое для всей жизни. Только нужно уметь взять от этой школы все возможное и даже в мелочах помнить о достоинстве офицера.

На таких выступлениях воспитывался личный состав полка.

Командиры эскадрилий, парторги и комсорги уделяли много внимания работе с молодыми членами партии, с комсомолками. Проводились беседы по истории партии, истории СССР, о советском патриотизме. Особенно подробно останавливались на исторических эпизодах, отражавших мужество и патриотизм народов Советской страны.

А в философском кружке беседовали о диалектике, об отношении наших революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова к гегельянству, о работах В. И. Ленина по философии.

Теоретические занятия шли параллельно с боевой подготовкой.

«Боевые будни полка, — вспоминала впоследствии М. И. Рунт, — были

полны самоотверженного труда. Движущей силой этого труда была любовь к Родине. Вера в победу, настойчивое, горячее желание вложить все свои силы в общее дело борьбы с врагом за достижение победы были постоянными спутниками нашей фронтовой жизни».

6

И, как всегда в жизни, события общественного значения, волнующие весь коллектив, переплетались с событиями личной, индивидуальной важности, оставляющими порой глубокий след в сердцах.

Да и что говорить — ведь подавляющему большинству закаленных, испытанных в боях летчиков, штурманов и авиатехников полка едва-едва перевалило за двадцать лет!

Женя Руднева улетела в Москву.

Через две недели Женя вернулась в полк еще более жизнерадостная, чем всегда. «Она словно светилась изнутри», — вспоминают ее друзья. Встреча с родными и друзьями, сама столица, которую она покинула в тяжелые дни и которая теперь жила полнокровной жизнью, — все это произвело на нее неизгладимое впечатление.

Но была у Жени еще одна большая радость. Через день после своего возвращения из Москвы она вдруг объявила Евдокии Яковлевне Рачкевич немного смущенно: «Ваша непослушная дочь влюбилась...».

Таить свою радость Женя не могла и не видела нужды, и скоро все узнали о ее «неизлечимой» болезни сердца.

Как это случилось? Неожиданно и просто. Самолет, на котором Женя направлялась в Москву, сделал вынужденную посадку на аэродроме под Орлом: летчику внушало серьезные опасения поведение мотора. Когда приземлились, их окружили все, кто только был на летном поле. И тут к Жене обратился с вопросом о том, что случилось, лейтенант-танкист, которому также не повезло.

Механики долго, почти полдня, ремонтировали мотор самолета, и так уж получилось, что все это время с нею был танкист. Они почему-то сразу стали понимать друг друга с полуслова, им было интересно, весело, легко друг с другом, и, когда выяснилось, что Женя улетает раньше, юноша попросил ее московский адрес.

Танкист прилетел в Москву днем и к вечеру уже был у родных Жени. Ее не оказалось дома: она выступала в университете, рассказывая студентам, как девушки защищали Родину. На следующий день он пришел снова, с билетами в театр, и все остальные дни Жениного отпуска они проводили вместе — то в театре, то в концертном зале, то за столом, в кругу Жениной семьи, то бродя по улицам и не замечая их.

Танковый полк действовал примерно на одном направлении с полком Бершанской, и обратно на фронт они могли ехать вместе. Но для этого Жене нужно было подождать несколько дней, пока он не закончит своих служебных дел в Москве. Женья, однако, не захотела опоздать из отпуска, надумав какое-нибудь благовидное оправдание, или просить о его продлении и уехала одна.

С тех пор они не встречались, а то, что недоговорили, будучи вместе, стало ясным для них из писем: они решили никогда больше не расставаться после окончания войны.

И Женья, думая о будущем, писала тогда в своем фронтовом дневнике:

«...Если, расставаясь, встречи ищешь вновь,

Значит, ты пришла, моя любовь!..

Ты пришла!.. Готова ли я тебя встретить? Мне двадцать три года, уже много. А с каждым днем оказывается, что в жизни еще много, очень много неизведанных сторон... Мне нужен целый человек, но чтобы он был «самый мой». Тогда и мир будет наш».

Огромное, светлое чувство первой любви сделало еще дороже, прекраснее для Жени великое дело борьбы с врагами Родины, которому она отдавала все силы на фронте. Теперь она не просто мечтала о счастье грядущих, мирных дней, — она знала, видела, каково будет это счастье, и во имя его еще отважнее, настойчивее, решительнее билась с фашистами.

«...В который раз перечитала «Как закалялась сталь». Самое дорогое у человека — это жизнь, — писала Женья в своем дневнике. — Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества.

Раньше и не думала о конце этих слов: «И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут оборвать ее». Надо спешить жить! Жить — в самом высоком, в самом святом смысле этого слова!..»

Друзья не переставали удивляться ее неисчерпаемой энергии, ее дерзновенной отваге. Не обязанная участвовать в боевых полетах, она упорно рвалась к ним, выискивая всякие поводы для того, чтобы побольше летать, самой бить врага.

— Пользуясь своим положением штурмана полка, — рассказывает Лара Розанова, — Женья часто устраивала проверки штурманских знаний летного состава. Она, бывало, подходит к прилетающему самолету, проверяет у экипажа карту маршрута, обстановку над целью, а затем с напускной скромностью говорит: «А ну-ка, давайте слетаем с вами». Это означало, что штурман должен уступить ей место в кабине, и она летит «проверять» летчика. После своего возвращения из Москвы, в один из летних вечеров, она решила тем же путем «проверить» меня. Полетели. Цель была у молочной фермы под

Керчью, где заметили большое скопление фашистских танков. Над целью пришлось ходить минут десять, выжидая просвета в облаках. Но как обрадовалась Женя, когда, наконец, открылась «форточка»! Она хорошо нацелилась и сбросила бомбы в самую гущу скопления танков. Вспыхнул пожар большой силы. Женя потом говорила мне, что она чуть не подпрыгнула от радости...

А после тяжелых боевых ночей — короткий отдых и снова за работу — партийную, комсомольскую, педагогическую.

— Молодые «штурманята», как у нас называли новое пополнение штурманского состава, — вспоминает Дуся Пасько, — восторженно относились к своему преподавателю Рудневой — так хорошо она им объясняла все, рассказывала, так заботливо пестовала их.

И как бы ни трудно ей приходилось, никто не слышал от нее и намека на жалобу, никто не видел в ее поведении и тени усталости. Если она и сетовала на что-нибудь, то только на то, что некогда читать в жаркие, боевые дни, что забывается кое-что из университетских наук, что «этак можно и совсем одичать...» Но тут же улыбалась:

— Зато когда после войны начнем штурмовать науку — небу станет жарко!..

